

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

Истина — Голос Природы и времени,
Истина — в нас затаенный наставник —
С неба ниспослана, мир весь объемлет,
Солнечный свет, всех ветров дуновение...

(У. Томпсон Бэкон)

...солнце Светлой Истины бессмертное
Может спрятаться за тучами; но свет его
Не изменится от этого, лишь скроется
За моим несовершенством, слабой верою
И за тысячью причин, не позволяющих
Людям укрепиться в добродетели.

(Ханна Мор)

"Что есть Истина?" — спросил Пилат у того, кто должен был знать ответ на этот вопрос (конечно, если учения христианской церкви хотя бы отчасти верны). Но Он ничего не сказал. И истина осталась нераскрытой для его будущих последователей так же, как и для римского наместника. Однако молчание Иисуса в этом и во многих других случаях не препятствует его нынешним приверженцам действовать так, как будто им известна окончательная и абсолютная Истина, — полностью игнорируя тот факт, что открытые им Слова Мудрости содержат в себе лишь часть истины, изложенной к тому же в притчах и весьма туманных, хотя и благозвучных, изречениях. [\[1\]](#)

Подобная политика не могла не привести к голословным заявлениям и догматизму. И теперь мы наблюдаем догматизм в церкви, догматизм в науке, догматизм повсюду. Предполагаемые истины, едва угадываемые в мире абстракции, — как и те, что обнаруживаются в результате наблюдений и экспериментов в мире материи, — навязываются непосвященному большинству, слишком занятому своими повседневными проблемами, чтобы думать о чем-то другом, в форме божественного откровения и научного авторитета. Но со времен Сократа и Пилата и до нашего века всеобщего отрицания остается открытым все тот же сакраментальный вопрос: может ли абсолютная истина быть сосредоточенной в руках одного человека или одной группы людей? Наш разум отвечает: "Такого быть не может". В мире столь же конечном и обусловленном, как и сам человек, ни один субъект не может являться обладателем абсолютной истины. Но бывают еще относительные истины, коими нам можно и должно пользоваться в полной мере.

В каждом столетии были мудрецы, познавшие абсолют, но, тем не менее, способные передавать другим только относительные истины. Ни одному из рожденных смертной женщиной нашей расы нельзя передать полную и окончательную истину извне, ибо каждому надлежит найти это конечное (для себя) знание в себе самом. Коль скоро невозможно найти на свете двух абсолютно одинаковых людей с одинаковым разумом, каждый должен обрести наивысшее просветление внутри себя, рассчитывая только на собственные способности, а не на какой-нибудь свет человеческий. Даже самый великий из живущих ныне адептов может

раскрыть нам Универсальную Истину только в том объеме, в котором наш разум способен ее воспринять, и не более того. Сколько людей, столько и мнений — гласит бессмертный трюизм. Солнце одно, но бесчисленны его лучи; и то, какое они оказывают воздействие — пагубное или благотворное, целиком зависит от природы и строения тех объектов, которые они освещают. Полярность — универсальное качество, но поляризатор заключен в нашем собственном сознании. И тот объем абсолютной истины, который мы в состоянии воспринять, определяется исключительно степенью приближенности к ней нашего сознания. Но сознание человека — это только подсолнух, выросший на поверхности земли. Нуждаясь в теплых солнечных лучах, это растение может только поворачиваться, следуя за перемещением солнца по небосводу, ибо корни прочно удерживают его на земле, не позволяя приблизиться к недостигаемому для него светилу и вынуждая полжизни проводить в темноте...

И все же каждый из нас способен в некотором роде достичь Солнца Истины и оказаться в сфере воздействия самых теплых и прямых его лучей даже на этой земле. Достичь этого состояния можно двумя способами. На физическом уровне мы можем пользоваться нашим ментальным полярископом и, анализируя свойства каждого луча, выбирать для себя наиболее чистые. А для того чтобы достичь Солнца Истины на духовном уровне, мы должны со всей серьезностью взяться за совершенствование своей высшей природы. Мы знаем, что, постепенно парализуя в себе потребности низшей личности и тем самым заглушая голос чисто физиологического разума, то есть разума, зависящего от своего посредника и носителя — органического мозга, от которого он неотделим, мы можем заставить заключенного в нас животного человека уступить место человеку духовному и что, будучи однажды выведенными из своего латентного состояния, высшие духовные чувства и восприятия начинают медленно, но неуклонно развиваться, пробуждая в нас "божественного человека". Именно так всегда поступали и продолжают поступать великие адепты, йоги Востока и мистики Запада.

Но мы знаем также, что, за несколькими исключениями, ни один светский человек и ни один материалист не поверит в существование адептов и даже в самую возможность достижения столь высокого уровня духовного и психического развития. "(Древний) глупец сказал в сердце своем: "Нет Бога"', а современный говорит: "На земле нет никаких адептов, они — лишь плод вашего больного воображения". Зная это, мы спешим успокоить наших читателей типа Фомы Дидима. Мы просим их подыскивать для себя в этом журнале более приемлемое для них чтиво, скажем — отдельные статьи о гило-идеализме, принадлежащие различным авторам. [2]

Ибо "Lucifer" стремится удовлетворить вкусы всех наших читателей, к какой бы "школе мышления" они не принадлежали, демонстрируя одинаково беспристрастное отношение к теистам и атеистам, мистикам и агностикам, христианам и язычникам. Наши редакционные заметки, комментарии к "Свету на Пути" и другие подобные им материалы предназначены, конечно же, не для материалистов. Они адресованы теософам или читателям, которые знают в сердце своем, что Учителя Мудрости существуют и что, хотя на земле и нет абсолютной истины и ее следует искать в более высоких сферах, даже на нашем бестолковом и вечно вращающемся маленьком шарике есть вещи, которые не снились западной философии.

Но вернемся к теме нашего разговора. Как мы уже говорили, хотя "обобщающая абстрактная истина была бы величайшим из всех благословений" для многих из нас, как и для Руссо, пока что нам приходится довольствоваться относительными истинами. По сути дела, мы, в лучшем случае, всего лишь сборище несчастных смертных, вечно трепещущих перед лицом даже относительных истин, ибо мы боимся, что они уничтожат нас вместе со всеми нашими мелочными и жалкими предрассудками.

Что же до абсолютной истины, то большинству из нас так же сложно разглядеть ее, как доехать до Луны на велосипеде. Во-первых, потому, что абсолютная истина так же неподвижна, как гора Магомета, которая отказалась сдвинуться с места даже ради пророка, так что ему самому пришлось идти к ней. И нам приходится следовать его примеру, когда мы хотим стать хоть немного мудрее. Во-вторых, по той причине, что царство абсолютной истины не принадлежит к нашему миру, тогда как мы слишком крепко привязаны к нему. И в-третьих, поскольку, невзирая на то, что в воображении поэта человек —

...собрание Всех совершенств, что в мастерской Небесной сотворено... —

на самом деле он — всего лишь злосчастное скопление аномалий и парадоксов, пустая балаболка, раздувшаяся от сознания собственной важности, с противоречивыми и легко меняющимися идеями. Он — одновременно высокомерное и слабое существо, которое, хотя и живет в вечном страхе перед авторитетами — земными и небесными, все же порою

Кривляется, как злая обезьяна, И так, что плачут ангелы над ним [3].

Истина — многогранный кристалл, и невозможно охватить взглядом сразу все его грани; и если нет на свете даже двух человек, которые рассматривали бы эти грани под одинаковым углом (даже если их желание найти истину одинаково искренне), то чем же им в таком случае можно помочь? Коль скоро физический человек — ограниченный в своих возможностях и окруженный со всех сторон иллюзией — не может разглядеть истину в свете своих земных восприятий, то мы говорим о необходимости развивать в себе внутреннее знание. С того времени, когда Дельфийский оракул возвестил вопрошающему: "Человек, познай себя", мир не знал более высокой и важной истины. Без внутреннего восприятия человек не в состоянии познать даже многие относительные истины, не говоря уже об абсолютной. Перед тем как постигать какую-то абсолютную истину, человек должен познать себя, т.е. приобрести внутренние чувства, которые никогда его не обманут. Абсолютная истина — символ Вечности. Никакой конечный разум не в состоянии вместить в себя бесконечность, и, следовательно, воспринять абсолютную истину ему тоже не по силам. Для того чтобы достичь состояния, в котором он способен видеть и ощущать ее, ему необходимо парализовать в себе все чувства внешнего, телесного человека. Нам, конечно же, скажут, что эта задача не из легких; и многие люди, узнав об этом необходимом условии, несомненно, предпочтут довольствоваться относительными истинами. Но приближение даже к земным истинам требует прежде всего любви к истине ради нее самой, ибо в противном случае никакое постижение невозможно. А кто в наш век готов возлюбить истину ради нее самой? Много ли найдется таких, кто готов искать, принимать и воплощать в жизнь истину в нашем обществе, где для достижения успеха необходимо заботиться прежде всего о внешнем виде, а не о внутренней реальности, и делать ставку на самовосхваление, а не на подлинные добродетели? Мы вполне осознаем, насколько труден путь к восприятию истины. Эта чистая небесная дева нисходит только на благоприятную (для нее) почву. И эта почва есть беспристрастный, непредубежденный разум, освещенный чистым Духовным Сознанием; но и то и другое — редкие гости в цивилизованных странах. В наш век пара и электричества, когда человек вынужден жить в сумасшедшем темпе, практически не оставляющем времени для размышлений, все, что ему остается, это отдать себя на милость ветров и течений, которые несут его от колыбели до могилы, привязанного к прокрустову ложу традиций и условностей. Но всякая условность есть заведомая ложь, ибо во всех случаях это "имитация чувств в соответствии с общепринятыми стандартами" (определение Ф.У. Робертсона); а там, где есть имитация, не может быть истины. "Истина — алмаз, сокрытый в глубине; а те вещи, что лежат на поверхности нашего мира, взвешиваются на неверных весах традиции", — сказал Байрон; и справедливость этого замечания хорошо известна тем, кто вынужден жить в удушающей атмосфере социальных условностей и кто, несмотря на свое искреннее

стремление учиться, не решается признать столь желанные истины из-за страха перед жестоким Молохом, именуемым Обществом.

Посмотри вокруг, читатель, перечитай рассказы всемирно известных путешественников, вспомни изречения литературных мыслителей, научные и статистические данные. Нарисуй образ современной науки, политики, религии — пусть вся панорама современной жизни предстанет перед твоим мысленным взором. Вспомни об обычаях и традициях каждой культурной расы или народа, живущих под солнцем. Подумай о деяниях и моральных установлениях народов в цивилизованных центрах Европы, Америки, и даже далеко на Востоке, и в колониях, куда белый человек уже успел принести "блага" так называемой цивилизации.

А теперь, окинув взглядом все это, повремени и подумай, а затем назови, если сможешь, то благословенное Эльдорадо, то исключительное место на нашей планете, где Истина была бы почетным гостем, а ложь и притворство — неприкаемыми изгоями. Не сможешь. И никто не сможет, если, конечно, не захочет внести свою лепту в огромное море лжи, затопившее ныне все области национальной и общественной жизни. "Истина! — восклицал Карлейль, — истина, пусть даже небеса обрушатся на меня всей своей тяжестью за любовь к ней; и никакой лжи, даже если вся небесная Обитель неги и праздности станет ценою моего отступничества". Вот благородные слова. Но многие ли думают так же, и многие ли осмелятся повторить эти слова вслед за Карлейлем в наш девятнадцатый век? Не предпочтет ли устрашающе огромное большинство вместо этого попасть в "рай для бездельников" — *rays de Cospagne* [4] для бессердечных эгоистов? Это большинство в ужасе шарахается от одной лишь тени всякой новой непопулярной истины, опасливо оглядываясь при этом, не осудит ли миссис Харрис и не приговорит ли миссис Гранди дерзновенных ловцов этой тени к мучительной казни через четвертование острыми, как бритва, языками болтливых кумушек.

Эгоизм — первенец невежества и плод учения, утверждающего, что для каждого новорожденного младенца "создается" новая душа, самостоятельная и отдельная от Универсальной Души, — этот эгоизм является непроходимой стеною, отделяющей мыслящую личность от Истины. Он стал плодовитым отцом всех человеческих пороков — лжи, рожденной необходимостью скрывать истинные намерения, и лицемерия, рожденного стремлением замаскировать ложь. И эта опухоль разрастается и укрепляется с возрастом в каждом человеческом сердце, пожирая все возвышенные чувства. Эгоизм убивает все благородные порывы нашей природы. Это единственное божество, которое не боится неверности и отступничества со стороны своих приверженцев. И потому его культ распространился по всему миру, подчинив себе так называемое светское общество. А в результате мы живем и действуем под властью этого бога тьмы, явленного нам в виде троицы — обмана, притворства и фальши, — именуемой респектабельностью.

Что это — истина и факт или злобный наговор? Загляните, куда хотите, осмотрите всю социальную лестницу сверху донизу, и вы повсюду увидите обман и лицемерие, используемые людьми на благо себя любимых; и нет народа, который не был бы подвержен этой напасти. Но народы, по молчаливому соглашению, именуют эти эгоистичные мотивы в политике "благородными национальными порывами, патриотизмом" и так далее; а люди называют их в своем семейном кругу "домашними добродетелями". И все же эгоизм — вызывает ли он желание расширить свою территорию или же порождает конкуренцию в бизнесе (читай — стремление достичь успеха за счет соседа) — никогда не может быть признан добродетелью. Мы видим, что сладкоречивый обман и грубая сила — это Йахин и Боаз, [5] стоящие у входа в межнациональный храм Соломона, именуемый дипломатией; и эта характеристика вполне заслужена. Должны ли мы аплодировать дипломату за то, что он кланяется этим двум столпам национальной гордости и политики и воплощает в жизнь их

масонский символизм — "да будет учрежден мой дом в [хитрой] силе" (то есть — да будет приобретено обманом то, что нельзя захватить силой)? Мастерство дипломата — "способность или умение закреплять преимущества" своей страны за счет других стран — вряд ли может быть достигнуто возвещением истины, ибо оно требует лукавого и лживого языка. А потому "Lucifer" называет подобное действие неприкрытой и вопиющей ложью.

Но не только в политике привычки и эгоизм сговорились называть притворство и ложь добродетелью и вознаграждать общественным признанием тех, кто лучше всех умеет врать. Жизнь каждого общественного класса основана на лжи и просто рассыпалась бы без нее. Культурным, бого- и законобоязненным аристократам запретный плод так же мил, как и плебеям, и это вынуждает их лгать с утра и до вечера, дабы скрыть то, что они сами предпочитают называть "маленькими грешками", тогда как Истина требует называть это грубой безнравственностью. Жизнь среднего класса общества тоже насквозь пронизана фальшивыми улыбками, фальшивыми разговорами и взаимным вероломством. Для большинства религия уже давно стала тончайшим покрывалом мишуры, выброшенным на труп духовной веры. Хозяин идет в церковь, чтобы обмануть своих слуг; голодный викарий, проповедуя то, во что уже не верит сам, обманывает своего епископа, а епископ — своего Бога. Ежедневные газеты, политические и общественные, вполне могли бы сделать своим девизом бессмертный вопрос Жоржа Дандена: "Кто из нас двоих кого надует?" Даже наука, некогда служившая спасению Истины, уже перестала быть храмом голого Факта. Почти все нынешние ученые заинтересованы лишь в том, чтобы навязать своим коллегам и широкой публике собственные идеи и пристрастия — какие-нибудь новомодные теории, призванные содействовать прежде всего прославлению и росту авторитета своих авторов. Современный ученый готов отвергать и замалчивать всякое свидетельство, идущее вразрез с господствующими ныне научными гипотезами, — точно так же, как миссионер, действующий среди язычников, или же наш домашний проповедник готовы убеждать свою паству в том, что современная геология — ложь, а эволюция — суета и бесполезное смущение духа.

Таково действительное положение вещей на 1888 год н.э. И при этом некоторые газеты критикуют нас за то, что мы рассматриваем этот год в чересчур мрачных тонах!

Поддерживаемая традицией и условностями ложь распространилась настолько, что даже календари теперь заставляют людей лгать. Сокращения "Р.Х." и "до Р.Х.", употребляемые при написании дат иудеями и язычниками, европейцами и некоторыми азиатами, материалистами и агностиками и, конечно же, христианами, — это тоже ложь, используемая для утверждения другой лжи.

Так где же нам в таком случае искать даже относительную истину? Уже в эпоху античности истина казалась Демокриту богиней, лежащей на дне колодца столь глубокого, что надежд на ее освобождение остается очень мало, а при нынешних обстоятельствах мы вынуждены признать, что истина спрятана от нас как минимум на вечно невидимой, темной стороне Луны. Возможно, именно поэтому всех искателей скрытой истины поспешно объявляют лунатиками. Но, как бы то ни было, ничто не может заставить наш "Lucifer" потворствовать повсеместно (хотя и негласно) признанной и так же повсеместно практикуемой лжи. Мы всегда будем придерживаться только фактов и будем стараться провозглашать истину, где бы и когда бы она ни была найдена, не скрывая ее ни под какими трусливыми масками. Фанатизм и нетерпимость могут считаться ортодоксальной и разумной политикой, а одобрение распространенных предрассудков и личностных амбиций в ущерб истине — верным способом достижения успеха и популярности. Пусть так. Но редакторы "Lucifer" — теософы, и их неизменный девиз: *Vera pro gratiis*.

Они вполне осознают, что воскурения и жертвы, приносимые журналом "Lucifer" богине Истины, отнюдь не ублажают своим ароматом обоняние королей прессы; напротив, свет "Сына Утренней Зари" неприятно щекочет им ноздри. Его игнорируют или даже оскорбляют, ибо — *veritas odium parit* (истина рождает ненависть). Даже наши друзья начинают находить в нем изъяны. Они не понимают, почему "Lucifer" не может оставаться чисто теософским журналом: иными словами, почему он не желает становиться догматическим и фанатичным? Почему вместо того, чтобы посвящать каждый дюйм своей площади теософическим и оккультным учениям, он предоставляет свои страницы "для публикации крайне разношерстных материалов и противоречащих друг другу учений"? На это самое распространенное обвинение мы ответим также вопросом — а почему бы и нет? Теософия есть божественное знание, а знание есть истина, и потому каждый достоверный факт, каждое искреннее слово по необходимости должны быть неотъемлемыми составляющими теософического учения. Тот, кто достаточно сведущ в божественной алхимии или хотя бы в некоторой степени наделен благословенным даром воспринимать истину, сможет обнаружить и извлечь ее как из справедливого, так и из ошибочного утверждения. Какой бы маленькой ни была крупица золота, затерянная в куче мусора, она все равно остается благородным металлом, и ее стоит извлечь, даже если для этого придется немного попотеть. Зачастую понять, чем не является вещь, не менее полезно, нежели понять, чем она на самом деле является. Читатели вряд ли могут надеяться на то, что какое-нибудь сектантское издание станет рассматривать на своих страницах какой бы то ни было факт во всех его аспектах, анализируя все *pro* и *contra*, поскольку в его оценке неизбежно будет перевешивать либо первое, либо второе, в зависимости от позиции редактора, который не преминет отклонить чашу весов в желательную для него сторону. Поэтому теософский журнал остается, возможно, единственным изданием, излагающим — хотя и по-прежнему относительные и приблизительные, но, во всяком случае, беспристрастные — истину и факт. Выставляя на своих страницах голую правду, "Lucifer" позволяет разглядывать ее со всех сторон, ибо доступ к ней не заказан никаким философским или религиозным взглядам. И коль скоро каждая философия и религия, какой бы несовершенной, неудовлетворительной, а порою даже и глупой она ни была, должна основываться на какой-нибудь истине или факте, читатель может извлечь эту истину, сопоставляя и анализируя различные учения, излагаемые на страницах нашего журнала. "Lucifer" старается высветить столько граней Единого вселенского бриллианта, сколько позволяет его скромный объем, при этом говоря читателю: "Избери же ныне, кому будешь служить: тем ли богам, что были до и после потопа, в водах которого утонули мудрость и божественное знание человека, или богам аморитов, власть которых удерживается привычкою и распространенной ложью, или же Господу Сущего (высшей Сущности) — светлomu разрушителю темных сил иллюзии?" Поистине, только такая философия способна уменьшить — а не увеличить, как это часто бывало — меру страданий человеческих. Чего же еще мы можем желать?

В любом случае мы оставляем выбор за читателем. Поэтому мы и предоставляем наши страницы самым разным корреспондентам. Поэтому взгляды христианского священника, верящего в своего Бога и Христа, но не согласного с безобразными интерпретациями и бессмысленными догмами, насаждаемыми своей амбициозной и гордой церковью, могут соседствовать здесь с доктринами гило-идеалистов, которые отрицают Бога, душу и бессмертие и не верят никому и ничему, кроме самих себя. Самый отъявленный материалист может рассчитывать на добрый прием в нашем журнале, двери которого не закрываются даже перед теми, кто, не смущаясь, использует его страницы для осмеяния и персональных выпадов против нас — его редакторов, и для незаслуженной хулы в адрес милой нашему сердцу теософии. Когда вольнодумный журнал, издаваемый атеистом, поместит на своих страницах статью какого-нибудь мистика или теософа в похвалу его оккультных взглядов и во славу мистерии Парабрахмана, сопроводив ее лишь несколькими не слишком пространными комментариями, тогда мы скажем, что и у "Lucifer" наконец появился конкурент. Когда христианский или миссионерский журнал опубликует очерк вольнодумца,

высмеивающего веру в Адама и его ребро, и редактор со смиренным молчанием перенесет критику в адрес христианства — своей собственной религии, тогда этот журнал станет достойным "Lucifer'a", и о нем с полным правом можно будет сказать, что он уже достиг уровня терпимости, подобающего настоящему теософскому изданию.

Но коль скоро эти печатные органы не делают ничего подобного, то все они остаются сектантскими, фанатичными и нетерпимыми и не имеют ни малейшего представления о том, что такое истина и справедливость. Они могут сколько угодно бранить "Lucifer" и его редакторов, этим они не причинят вреда ни журналу, ни нам. По правде говоря, редакторы журнала даже гордятся этой критикой и обвинениями, поскольку они свидетельствуют об абсолютном отсутствии фанатизма и высокомерия в теософии, что, в свою очередь, является результатом божественной красоты проповедуемых ею учений. Ибо, как уже было сказано, теософия с одинаковым вниманием выслушивает каждого и каждому предоставляет равные шансы. И никакие взгляды и суждения (если только они искренни) не считает абсолютно ложными. Она с уважением относится к мыслящим людям, к какому бы типу мышления они ни принадлежали. Критикуя идеи и взгляды, которые только вносят путаницу в философию, не принося ей никакой пользы, она тем не менее оставляет за их распространителями полное право верить в то, что им нравится, не упуская при этом случая воздать должное их учениям, если в них имеется рациональное зерно. Авторские выводы или заключения могут быть диаметрально противоположны нашим взглядам и учениям, которые мы проповедуем, но послышки, из которых автор исходит, и факты, которые он излагает, могут оказаться верными, что позволит читателю извлечь для себя пользу даже из чуждой ему философии, которую мы сами, возможно, отвергаем, полагая, что обладаем знанием более возвышенным и более приближенным к истине. Так это на самом деле или нет — это уже другой вопрос. Во всяком случае, свою позицию мы изложили; и я полагаю, что все вышесказанное не только объясняет, но и оправдывает нашу редакторскую политику. Подводя итог нашему рассуждению об абсолютной и относительной истине, мы можем лишь повторить сказанное ранее. Оставаясь на земле — в стороне от высокодуховного состояния разума, в котором Человек соединяется со Вселенским Разумом, — он вынужден довольствоваться исключительно относительной истиной, или истинами, воспринимая их из какой-либо философской или религиозной системы. Даже если бы богиня, пребывающая на дне колодца, смогла вырваться из своего плена, все равно ей не удалось бы дать человеку больше, чем он в состоянии воспринять.

Однако ничто не мешает человеку сидеть у края этого колодца, имя которому — Знание, и всматриваться в его темные воды, надеясь, что ему удастся разглядеть в их глубине отражение прекрасного лица Истины. Но, как верно подметил Рихтер [6], это занятие таит в себе определенную опасность. Если пристально всматриваться в изучаемый объект, доля истины может иногда отразиться в нем, как в зеркале, вознаграждая тем самым пытливого исследователя за его упорство. Но вот что добавляет к этому немецкий мыслитель:

"Я слышал, что некоторым философам, которые искали Истину, чтобы воздать ей хвалу, являлось на поверхности вод не ее, а их собственное отражение; и вместо Истины они начинали восхвалять себя".

Чтобы избежать этой напасти, преследующей каждого основателя новой религиозной или философской школы, редакторы журнала всячески стараются преподнести читателю не только те истины, которые отражены в их собственных редакторских мозгах. Они предлагают публике широкий выбор, не желая впасть в фанатизм и нетерпимость — верные признаки сектантства. Но, при всей нашей демократичности, наши оппоненты не могут рассчитывать на то, что им удастся увидеть собственные лица отраженными в чистых водах "Lucifer", не снабженными при этом никакими комментариями, либо справедливой критикой

тех черт их внешности, которые представляются малопривлекательными теософическому взгляду.

И все же наш журнал остается массовым изданием и потому рассматривает философские истины в исключительно интеллектуальном аспекте. Что же касается духовных (кто-то может сказать — религиозных) убеждений, то ни один теософ не должен их принижать вынесением на суд публики, но, напротив, должен хранить и укрывать их в сокровенном святилище собственной души. Никогда не следует спешить с публичным провозглашением этих убеждений и учений, дабы они не подверглись осквернению в руках равнодушных и критиков. Не следует также публиковать их в форме нового "писания", но только выносить в виде отдельных гипотез на обсуждение мыслящей части публики. Когда теософические истины превосходят определенный рубеж мышления, им лучше оставаться скрытыми от широкой публики, ибо "свидетельство о вещах невидимых" является подлинным свидетельством только для тех, кто способен видеть, слышать и чувствовать эти вещи. А потому его не следует выносить за пределы "Святая Святых" храма имперсонального божественного Эго, или бессмертной Сущности. Ибо если за пределами последней любой, даже самый достоверный факт может быть, как мы уже говорили, только относительной истиной, то луч абсолютной истины может отразиться лишь в чистом зеркале своего собственного пламени — нашего наивысшего духовного сознания. И как же может тьма (иллюзия) увидеть свет который сама же закрывает?

Пер. Ю. Хатунцева

[1] Иисус сказал "двенадцати": "Вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах" и т.д. (Марк, IV, II).

Например, небольшая статья "Автоцентризм", посвященная этой "философии"; или, опять же, вершина гилоидеалистической пирамиды в этом номере журнала — письмо протеста основателя школы этого направления против допущенной нами ошибки. Он недоволен тем, что мы "смешали" его имя с именами м-ра Герберта Спенсера, Дарвина, Хаксли и

[2] других в вопросе об атеизме и материализме, поскольку вышеназванные светила психологической и физической наук представляются д-ру Левинсу слишком тусклыми, "недостаточно принципиальными" и слабыми, чтобы носить почетное звание атеистов или даже агностиков.

[3] Шекспир, "Мера за меру", Акт 2, сцена 2 — ред.

[4] Сказочная страна, где не надо трудиться (фр.) — ред.

[5] Колонны, стоявшие при входе в храм Соломона и ставящиеся в современных масонских храмах. Их названия можно перевести как "утвердить" и "в силе", а иногда им придаётся смысл микрокосма и макрокосма — на вершине одной в виде шара изображается Земля, а на другой — звездная сфера — прим. ред.

[6] Рихтер Иоганн Пауль Фридрих (1763-1825) — знаменитый немецкий писатель и мыслитель. В 1781 поступил в Лейпцигский университет, но не смог закончить обучение. Учил детей в богатых семьях. Его писательский талант был замечен после выхода в свет второй его книги — "Die unsichtbare Loge" (1793). За ней последовала публикация в сравнительно короткий срок множества новых книг, увековечивших его имя в немецкой литературе. Он писал об искусстве, образовании, текущих событиях и т.п. Наиболее отличительными чертами его характера были удивительно богатое воображение, способность внушать великие мысли с помощью простейших примеров и откровений, глубоко религиозный склад ума и чувство юмора. Для него видимые вещи были всего лишь символами невидимых; незримые реальности господствовали в мире его мысли. Он страстно обличал и высмеивал притворство и неизменно стремился к истине и

добродетели. — ред.